

КРИТИКА  
И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А.В. БРУШЛИНСКОГО  
“ПСИХОЛОГИЯ СУБЪЕКТА”. СПб.: Алетейя, 2003

История психологической науки такова, что в течение всего достаточно небольшого периода ее самостоятельного становления и развития перед учеными-исследователями возникали вопросы, которые в большей или меньшей степени рассматривались как дискуссионные, т.е. такие, о которых можно спорить, но которые не имеют единственно правильного решения, оно – альтернативно. Наиболее сложными представлялись: проблема соотношения биологического и социального, проблема механизма возникновения и развития психики, вопросы детерминации психического, роль внешнего и внутреннего в развитии психики, опосредствованность знаком, деятельностная опосредованность и прочее.

В монографии А.В. Брушлинского большинство из этих вопросов рассматриваются в контексте различных парадигм – культурно-исторической, деятельностной и субъектно-деятельностной, которые многими начинающими психологами неверно трактуются как идентичные. Автор настойчиво, остро и одновременно корректно и бережно оценивает способность каждой из них адекватно решать поставленные методологические, т.е. принципиально важные для теоретического и эмпирического исследования проблемы, руководствуясь не принципом конъюнктуры, а нормативами истинного научного исследования.

Ставшее привычным для профессионального слуха положение о психическом как процессе имеет, с моей точки зрения, прямое отношение к предмету психологии. Оно определяет теоретические гипотезы и задачи, формирует представление о закономерном изменении психической реальности, задает границы безмерному тестированию. А.В. Брушлинский буквально настаивает на понимании психического как процесса, аргументируя это положение непрерывностью взаимодействия субъекта с объектом, в ходе которого человек определяется и переопределяется.

Одним из самых проблемных вопросов психологии был и остается вопрос о соотношении социального и биологического, общественного и индивидуального. В психологии, пишет А.В. Брушлинский, эта формула представлена в виде принципа – от социального к индивидуальному, как будто существует простое правило, по которому исходно непсихическая деятельность становится вдруг психической. Это “вдруг” и является проблемным

местом в ряде концепций социальной детерминации психического. А.В. Брушлинский, оставаясь весьма корректным в оценках и формулировках, специально подчеркивает, что механизм интериоризации действительно является одним из оснований развития психики, но его не следует использовать в качестве приема, объясняющего ее возникновение. Традиционно, говорит А.В. Брушлинский во второй главе монографии, формула от социального к индивидуальному трактуется в виде принципа от внешнего к внутреннему, лежащего в основе механизма интериоризации. Согласно этой теории, под влиянием воздействий у ребенка начинается внешняя деятельность, а в результате ее порождается психическое. Автор возражает против такой простой механики, не учитывающей постоянную регуляцию внутренними условиями внешних воздействий. Основываясь на результатах современных исследований в области пре- и перинатального развития младенцев, он указывает на то, что “любые действия всегда в своем составе имеют хотя бы простейшие психические явления”, а младенец уже изначально является социальным, поскольку он – человеческое дитя.

Признавая необходимость усвоения человеком норм и духовных ценностей, автор отмечает, что “никто не обладает абсолютной истиной, навязывая те или иные взгляды”, поэтому процесс взаимодействия воспитателей и воспитуемых следует трактовать не столько как воздействие, предполагающее прямое усвоение и присвоение, сколько как сотворчество, основанное на освоении и созидании.

В решении многих принципиально важных для психологии проблем А.В. Брушлинский остается на позициях исследователя, критично относящегося к жесткой дихотомии и альтернативности. Практически в любой главе содержится обоснование необходимости сочетания разных по своей природе процессов в виде сотворчества, целостного системного раскрытия специфической активности человека во всех видах взаимодействия с миром. Этот тезис относится и к проблеме внешнего и внутреннего, и к вопросу о низших и высших психологических функциях, и к проблеме объективного и субъективного, природного и социального. «В психике человека нет ничего, что было бы только природным; вопреки широко распространенной точке зрения даже на *высших*

этапах духовного развития личности психическое не перестает быть природным и не становится “чисто” социальным. Оно сохраняет в себе их органическое единство, поскольку эти высшие уровни природного возникают и эволюционируют лишь в ходе антропогенеза, а затем на соответствующих стадиях исторического и индивидуального развития людей» (с. 64–65).

Одним из существенных вопросов психологии, по мнению А.В. Брушлинского, остается проблема деятельности и ее включения в предмет психологии. В монографии она обсуждается и в связи с историей появления термина “деятельность” в психологии, и в связи с разным ее пониманием С.Л. Рубинштейном и А.Н. Леонтьевым, и в контексте обучения и опосредствования. Последний вопрос систематизирует практически весь “деятельностный” и исторический материал, поскольку касается различных отечественных и зарубежных школ. В этот вопрос включаются и очень интересные данные об опосредствованности как философской категории, разработанной еще Гегелем, которая означает определение понятия через раскрытие его отношения к другому понятию, позитивные и критические оценки культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, данные М. Коулом прежде всего по вопросу речевого, знакового опосредствования, суждения о роли субъекта в процессе опосредствования. Все эти многочисленные вопросы подробно обсуждаются в монографии и, как мне представляется, могут быть выражены такой фразой: “Гипертрофия (абсолютизация) средств и прежде всего словесных знаков как главных или даже единственных оснований психического развития человека уводит в сторону от теории (изначально практической) деятельности, а тем более от субъектно-деятельностной концепции. Абсолютизация таких **средств** приводит к подмене ими **субъекта** деятельности, а потому последняя становится невозможной” (с. 153–154). И далее. “Изучение того, как человек использует те или иные **средства** (орудия и т.д.) совершенно **недостаточно** для адекватного исследования **деятельности**, ибо последняя никак не сводится к такому использованию” (с. 155).

Формирование и развитие психики, обучение и усвоение, активность и пассивность обучающегося и обучающего, изучавшиеся в различных отечественных концепциях, практически напрямую связаны с фундаментальной проблемой субъекта деятельности. По существу, столкновение различных мнений происходит из-за разности понимания того, является ли “собственное” исходным либо производным? А.В. Брушлинский утверждает, что “собственное” исходно, тем самым возражая В.В. Давыдову, согласно которому “собственное” производно. Думается, что в этом состоит принципиальная разница между двумя отечествен-

ными школами и парадигмами – деятельностной и субъектно-деятельностной – именно в том, какое место в процессе и психической регуляции деятельности отводится субъекту. По Брушлинскому, психика нематериальна, она “существует только как важнейшее качество *субъекта* (...) и поэтому в разных системных связях выступает как идеальное, душевное, духовное и т.д.” (с. 49).

Проблема субъекта, которой собственно и посвящена монография, занимает в работе центральное место. Она систематизирует все фундаментальные вопросы, обсуждаемые в книге, начиная с того, насколько сама постановка проблемы субъекта в психологии – в тоталитарном обществе могла быть адекватной, и заканчивая вопросами продуктивного и репродуктивного мышления. На вопрос о постановке проблемы субъекта в психологии А.В. Брушлинский не дает однозначного ответа. Он полагает, что политика тоталитарного общества не признавала любых форм собственной активности личности, которые выходили бы за пределы “социального воздействия” и “усвоения”, но не могла вовсе остановить или устранить развитие научной мысли. Динамика, безусловно, была и состояла, в частности, в том, что часть научного мира стала ориентироваться на субъектно-деятельностный подход, на гуманистическую трактовку человека как субъекта, которая помогала “целостно, системно раскрыть его специфическую активность во всех видах взаимодействия с миром” (с. 58).

Разработка проблемы субъекта начинается с его определения, а затем и толкования в контексте “субъективное–объективное” (глава 1). Далее она раскрывается при обсуждении проблемы формирования и развития психики (главы 2 и 6), непосредственного и опосредованного (глава 5), активности и реактивности (глава 4), репродуктивности и продуктивности (глава 7). В целом можно сказать, что в любом из этих вопросов был найден адекватный поворот от решения проблемы “без субъекта” к решению с помощью субъекта, а точнее сказать – “самим субъектом”. “На этом высшем уровне саморегуляции наглядно-чувственные сигналы уже не сами по себе как бы автоматически регулируют свою активность человека в обход субъекта, а именно субъект с помощью своего мышления, совести и т.д. раскрывает вначале отнюдь не очевидное значение сенсорно-перцептивных данных и понятийных конструкций, сознательно стремится получить все новые данные и обосновать, доказать истинность все более сложных умозаключений” (с. 139).

А.В. Брушлинский утверждает, что еще не все авторы начинают признавать и изучать человека как субъекта, поскольку “путь от несубъектной психологии к субъектной очень труден” (с. 158),

но история развития психологии показывает, что он возможен.

В этом смысле монография интересна и с историко-психологической точки зрения. В ней дается подробный анализ отдельных концепций (например, М. Коула, В.В. Давыдова и др.), упоминаются работы отечественных и зарубежных исследователей, причастных к изучению проблем развития психики и деятельности. В процессе чтения книги возникает ощущение, что автор излагает и те мысли, которые были хорошо обдуманы, и те, которые возникают спонтанно, в процессе рассуждения и написания. Книга эта – не монолог, а живой диалог, прежде всего со своим учителем – Сергеем Леонидовичем Рубинштейном, и со своими оппонентами – Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, П.Я. Гальпериным, В.В. Давыдовым и др.

Бережное отношение к их позиции, стремление понять и учесть другое мнение создают у читателя продуктивное, творческое состояние, которое позволяет более глубоко разобраться в фундаментальных проблемах психологии, ощутить живое авторское слово, усвоить нелинейность психологических закономерностей. Язык оппонентов нередко бывает беспощаден, он не оставляет камня на камне, низвергая даже самые разумные суждения, но такое вряд ли присуще “Психологии субъекта”, написанной с большим уважением ко всем тем, кто болел за нашу науку и выздоравливал, приумножая ее славу.

*Н.Е. Харламенкова,*  
канд. психологических наук, ИП РАН